

Наталья Сакрэ

Русское «литературное поле» во Франции сквозь призму модели де Вогюэ, или Жив ли ещё «миф о русской душе»

Если французская литература начала вливаться в русскую культуру с середины XVIII в., став одной из её составляющих, а французский язык для русского общества стал «мостом, по которому совершалось движение идей и культурных ценностей из Европы в Россию»¹, то русская литература пришла во Францию лишь в конце XIX в. после публикации книги французского писателя и дипломата де Вогюэ «Русский роман» (1886), открывшего Франции Гоголя, Достоевского, Толстого.

Россия и её культурное наследие будоражит умы французских интеллектуалов уже более трёх веков. В зависимости от исторической эпохи и смены политического режима во Франции появлялся так называемый «русский мираж», в котором выстраивался образ России с идеологическим или эстетическим наполнением². Так, иллюзорный образ России XVIII в., созданный французскими философами-энциклопедистами, строился на мифах о Петре Первом и Екатерине Великой. Начиная с конца XVIII в. и вплоть до 1840-х гг., отношения между двумя странами постоянно менялись, переходя от войны к миру и от мира к войне (эпоха террора, война с Наполеоном,

© Наталья Сакрэ. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Лотман, Юрий. Русская литература на французском языке // Он же. Избранные статьи. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992, с. 368.

² Этот термин был введён современным французским историком Альбером Лортолари, изучавшим Россию XVIII века: Lortholary, Albert. *Les philosophes du XVIIIe siècle et la Russie: le mirage russe en France au XVIIIe siècle*. Paris: Boivin et Cie, 1951.

июльская революция 1830-го г.)³. Тем не менее разнообразные клише, устойчивые образы не зависели от конкретного политического содержания.

В начале 1840-х гг. наступила временная оттепель, и появились предпосылки для возникновения очередного «русского миража». Именно в эту эпоху состоялось двухмесячное путешествие маркиза Астольфа де Кюстина в Россию, результатом которого стали его знаменитые записки «Россия в 1839 году», изданные в Париже в 1843 г. Эта книга вызвала большой резонанс в России, порождая одновременно разноречивые чувства. Отношение русской интеллигенции к книге было неоднозначным. Александр Булгаков дал меткую оценку произведению маркиза: «И черт его знает, какое его истинное заключение: то мы первый народ в мире, то мы самый гнуснейший!»⁴. А Василий Жуковский, назвав де Кюстина «собакой»⁵, вынужден был признать, что многое из написанного соответствовало действительности. В своих записках де Кюстин критикует самодержавный строй с «лагерной дисциплиной» и с царящим в нём идолопоклонством, бюрократией и полным отсутствием свободы. По мнению Александра Тургенева, де Кюстин «раздражил нашу мертвечину»⁶.

³ Подробнее о французско-русских взаимоотношениях в XIX в. см. труды Веры Мильчиной: Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Санкт-Петербург: Гиперион, 2004; Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // Отечественные записки, № 5, 2007, с. 29-39; *Légitimistes français au service de la Russie: image catastrophique de la France de Juillet, image panégyrique de la Russie autocratique* // La Revue Russe, № 37, 2011, с. 21-31.

⁴ Письмо А. Я. Булгакова к П. А. Вяземскому, 22 декабря 1843 г. Цит. по: НЛО, № 8, 1994, с. 124.

⁵ Письмо В. А. Жуковского к А. Я. Булгакову, 10 октября 1843 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. Т. XVII, 2008, с. 498.

⁶ Цит. по: НЛО, № 8, 1994, с. 120. Правда, как здесь не вспомнить знаменитую фразу Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (Письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 г. // Пушкин, Александр. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 10, с. 161).

По совету Александра Бенкендорфа Николай I запретил книгу, завоевавшую огромный успех в Европе. Во Франции она выдержала четыре издания (1843-1855); была издана в Бельгии, Германии и Англии в 1843 г., в США в 1855 г. В России полное издание на русском языке впервые появилось лишь в 1996 г.⁷ (неполное издание вышло в 1930 г.). А в Европе записки де Кюстина были забыты почти на сто лет со дня их выхода и вновь вызвали интерес западных читателей в начале холодной войны, порождая таким образом новый «русский мираж». Так, в 1946 г. во Франции книгу выпустили сразу два издательства⁸. Наконец, в наши дни, появляется очередной «русский мираж», или новый виток спирали: книга вновь переиздается во Франции и Германии в 2012 г., а также в Бельгии в 2014 г. Эта книга до сих пор никого не оставляет равнодушным — и в России, потому что затрагивает столько болезненных вопросов в национальном самолюбии, и на Западе, по-прежнему, из-за критики политического режима. Несмотря на некоторую предвзятость, надо отдать должное французскому путешественнику: предъявив русскому обществу претензии, иногда слишком резкие, он всё-таки описал и положительные стороны России с её огромной территорией и живописными пейзажами.

Что касается оценки творчества Пушкина маркизом де Кюстин, мало интересующимся литературой, то она очень поверхностная: из-за языкового барьера он, конечно, не мог понять и признать гениальность поэта: «Его стиль очень хвалят, но для человека, родившегося в стране непросвещенной, хоть и в эпоху утонченно цивилизованную, это заслуга небольшая: он может подбирать те чувства и идеи, что в ходу у соседних наций, и выглядеть оригинальным у себя на родине. [...] Он будет подражателем, а прослышет творцом»⁹. Де Кюстин отрицал наличие в России национальной литературы. Рецеп-

⁷ Кюстин, Астольф де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. Веры Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и Александра Осповата. Пер. В. Мильчиной и Ирины Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

⁸ Les Éditions de la Nouvelle France и Plon.

⁹ Кюстин, Россия в 1839 году, 1996. Т. 1, с. 297.

ция пушкинского творчества во Франции до сих пор проблематична. Французский критик Шарль Бодье, автор первой критической статьи о Пушкине, вышедшей в 1837 г. в престижном парижском журнале «Revue de deux mondes», называет его подражателем, писавшем в духе Байрона и Шенье. Такую же оценку, но более агрессивную даёт другой французский критик и писатель, Жюль Барбе д'Оревилли, который характеризует Пушкина и Лермонтова как французских литераторов, излагающих на русском языке¹⁰. Досталось и Гоголю, которого Барбе д'Оревилли называет «обезьяной Байрона и Руссо»¹¹. Французские читатели впервые по-настоящему познакомились с творчеством Пушкина благодаря переводам Проспера Мериме. 15 июля 1849 г. Мериме публикует в «Revue de deux mondes» перевод «Пиковой дамы» (правда, пушкинские поэмы — «Цыгане», «Анчар», «Гусар» — Мериме перевел прозой). Причина, по которой русская поэзия, в том числе и гениальные произведения Пушкина, практически не дошли ни до ума, ни до сердца французского читателя, объясняется проблемой перевода. Де Вогиюэ сравнивал переводную поэзию с «трупом красавицы», утверждая, что русские поэты непереводаемы и никогда не смогут быть переведены на другие языки¹².

«Русский мираж», созданный де Кюстином и его современниками, согласно которым русской литературы не было вообще, просуществует вплоть до публикации книги де Вогиюэ в 1886 г. Благодаря де Вогиюэ произошёл процесс «освящения»¹³. Де Вогиюэ открыл для Франции русскую литературу и ввёл понятие о русской душе. Книга вызвала огромный интерес как со стороны критиков, так и со стороны читателей, заинтригованных этим «мифом» о русской душе с её амбива-

¹⁰ «Lermontoff et Pouchkine sont des littérateurs français, mis au piquet dans la langue russe» (Цит. по: Barbey d'Aureville, Jules. A Côté de la Grande Histoire. Paris: Alphonse Lemerre, 1906, с. 37).

¹¹ Barbey d'Aureville, Jules. Les Œuvres et les Hommes. Les Romanciers. Paris: Amyot, 1865, с. 377.

¹² Vogüé, Eugène-Melchior de. Le roman russe. 11 éd. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1912, с. XI: <https://archive.org/details/leromanrusse00voguoft>.

¹³ «Освящение» («consécration») по терминологии Пьера Бурдые.

лентностью. Во французском обществе появилась мода на Россию. Так родился новый «русский мираж», заставивший по-иному взглянуть на Россию и её культуру сквозь призму национального литературного пространства.

Виконт Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848-1910) — французский дипломат и писатель, проживший пять лет в России (1877-1882) в качестве секретаря посольства Франции в Санкт-Петербурге. Его женитьба на фрейлине Александре Анненковой дала ему возможность быть вхожим в самые престижные светские и литературные круги. После возвращения во Францию он оставил карьеру дипломата, посвятив себя полностью литературной деятельности. Де Вогюэ публикует целый ряд исторических и литературных очерков в журнале «Revue de deux mondes». Часть из них вошла в переработанном виде в книгу «Русский роман», вышедшую в Париже в июне 1886 г. В России книга до сих пор не издана. Единственное сокращенное издание вышло в 1887 г.¹⁴

Успех книги был во многом подготовлен политическими и культурными предпосылками. Во-первых, ослабленная Франция нуждалась в новом союзнике после войны с Пруссией. Во-вторых, важную роль в отношениях двух стран сыграли творчество и сама личность Ивана Тургенева с его литературными связями, которого справедливо называют пропагандистом русской литературы во Франции. В-третьих, переводы и очерки Мериме также подготовили почву для восприятия русской культуры. И, наконец, в 1876 г. вышел приключенческий роман Жюль Верна «Михаил Строгов» с живописными описаниями русской деревни с её гостеприимством, вызвавший немалый резонанс во французских интеллектуальных кругах. Интерес к «Русскому роману» во Франции можно объяснить также оригинальностью метода анализа, в основе которого заложен концепт «русская душа», а также позицией самого автора, предлагающего «противоядие» французскому натурализму. Благодаря этой книге де Вогюэ получил официальное

¹⁴ Вогюэ, Эжен-Мельхиор де. Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский / Пер. Василия Бефани. М.: изд. В. Н. Маракуева, 1887. Главу о Достоевском см. здесь: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=4628>

признание во Франции, став в 1889 г. членом Французской Академии.

Итак, де Воюэ не без влияния всех вышеперечисленных факторов и на основе своих личных наблюдений и контактов во время пятилетнего пребывания в России, решает «проникнуть в тайну загадочного существа, именуемого Россией, с помощью искусства»¹⁵. Нельзя сказать, что до него во Франции не было интереса к русской литературе, но именно де Воюэ заставил французов взглянуть на «этот заброшенный край», Россию, по-другому, определив во Франции выбор читателей и оформив их литературные вкусы.

В чём же видят французские исследователи особенности русской души? Ещё де Кюстин пишет в своих записках о склонности русских к крайностям, но в целом их отличает покорность и беззаботность, с которыми они живут и умирают¹⁶. После этого поверхностного анализа появится теория французского историка Анатоля Леруа-Больё¹⁷, на которую будет опираться де Воюэ. В основе этой теории о дефиниции русского характера лежат три основополагающих фактора — климат, география и среда. Контрастный климат России и её огромная территория и сильно влияют на национальный характер. Именно «тиранией климата» можно объяснить противоречия иррациональной русской души, которую может «бросать» из одной крайности в другую. Русский человек одновременно суров и мягок, податлив. И, наконец, самое глав-

¹⁵ Vogüé, *Le roman russe*, 1912, с. X.

¹⁶ Более чем за полвека до появления книги де Кюстина, погружающую европейского читателя в жизнь России, вышли в свет путевые заметки «Путешествие в Сибирь» (1768) Жана Шаппа д'Отроша, считающегося первооткрывателем этого литературного жанра, а его книга стала первым французским произведением подобного рода о России. Автор подверг суровой критике политическую систему России, видя в ней источник экономической отсталости страны и моральной деградации населения. Разгневанная Екатерина II отреагировала на эту книгу своим полемическим «Антидотом» (1770). Книга Шаппа до сих пор полностью не переведена на русский язык (частичный перевод 2005 года принадлежит Элен Каррер д'Анкос).

¹⁷ Свою теорию Леруа-Больё изложил в книге «Царская империя и русские» (1881-1889).

ное противоречие, заложенное в русском темпераменте, по мнению Леруа-Больё: подобный климат склоняет человека «к реализму, к практическому складу ума», а «природа наполняет его мистицизмом и грустью» (образ Гоголя приводится в качестве иллюстрации русской души).

Под влиянием теории Леруа-Больё, де Вогиюэ дает своё очень образное определение русской души, которую он сравнивает с супом с самыми различными ингредиентами, где можно найти всё: «[...] рыбу, овощи, зелень, пиво, сметану, мороженое, горчицу, — [...] и вкусные вещи, и отвратительные, и невозможно предугадать, что можно оттуда выловить. Так и русская душа подобна котлу, в котором варятся одновременно разные ингредиенты: печаль, безумие, героизм, слабость, мистика, здравомыслие, — и можно оттуда выудить всё что угодно, даже самое неожиданное. Если бы вы знали, каких высот эта душа может достичь, и как низко она может пасть! И как её бросает из стороны в сторону»¹⁸.

Противоречивая и непредсказуемая русская душа со всей своей широтой и сложностью, по мнению де Вогиюэ, наиболее полно раскрывается в творчестве четырёх писателей — Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого. Все они связаны между собой ярким проявлением национального духа, и именно благодаря их творчеству Россия «впервые перестала идти по стопам Запада» и даже опередила его, создав свою «собственную эстетику»¹⁹. Де Вогиюэ отрицает роль Пушкина в становлении русской литературы: Пушкин-романтик, «аристократ-космополит», не мог претендовать на статус национального поэта, и тем самым отобразить особенности «русского реалистического романа».

Гоголь, по мнению де Вогиюэ, является основателем русского реализма, благодаря которому литература освободилась от пут «поверхностного и аристократического» романтизма и дала рождение новому жанру — роману нравов и характеров. В «Шинели» де Вогиюэ увидел зародыш «Бедных людей» Досто-

¹⁸ Vogüé, Eugène-Melchior de. *Cœurs russes*. Paris: Armand Colin, 1893, с. 22-23. (Перевод мой. — Н. С.).

¹⁹ Vogüé, *Le roman russe*, 1912, с. XII.

евского. По легенде именно ему принадлежит знаменитая фраза «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»²⁰.

В Тургеневе де Вогюэ увидел крупнейшего русского писателя, который оставался русским, не порывая с Западом, реалистом, «не оставлявшим заботы о форме и стремившимся к идеалу»²¹. В его романах не было замысловатых интриг, он просто описывал характеры и чувства, взятые из повседневной жизни, но не кажущиеся банальными, благодаря мастерству описания.

Достоевский является для де Вогюэ поборником «религии страдания». Его романы — это проявление «ужасного реализма». Достоевский в глазах де Вогюэ — настоящий психолог, «изучающий черные или раненые человеческие души» и пишущий «для того, чтобы лечить». Он сочетал в себе «сердце сестры милосердия» и «дух Великого инквизитора»²².

У Толстого де Вогюэ различает два периода творчества — «ранний» (период художника) и «поздний» (период социального реформатора). В «позднем» Толстом, отрицающем любую веру, де Вогюэ увидел опасного пропагандиста идей коммунизма. Толстой — это мастер слова, подвергающий настоящему научному анализу явления жизни, но не способный связать их в единое целое, подобно «английскому химику с душой буддийского индуса»²³. Тот, кто попытается объяснить это странное противоречивое соединение, поймёт всю Россию, уверяет де Вогюэ. Постепенно Толстой теряет ясный ум исследователя и погружается в бездну философских противоречий²⁴.

²⁰ Там же, с. 96.

²¹ Там же, с. 146.

²² Там же, с. 267-268.

²³ Там же, с. 282.

²⁴ Через несколько лет де Вогюэ вернулся к творчеству Толстого в статье «По поводу „Крейцеровой сонаты“» (Русское обозрение, № 12, 1890, с. 511-527), в которой он пишет о том, что проповедник в лице Толстого окончательно взял верх над художником. Интересно, что Софья Андреевна Толстая высоко оценила эту статью, о чём свидетельствует запись в её дневнике от 10 марта 1891 года (Толстая, Софья. Дневники, 1862-1900 // Она же. Дневники: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1, с. 161).

Подобный выбор писателей у де Вогиюэ неслучаен. Он искал в русской литературе то, что могло спасти от кризиса французское общество и литературу в частности, а именно «духовную пищу», которую «французская литература не способна была дать». Она нуждалась в «свежей крови» «юной и безудержной»²⁵ страны, каковой и являлась Россия. Это молодая страна Севера, едва тронутая образованием и неразвращённая цивилизацией. Таким образом, принцип отбора писателей, предложенный де Вогиюэ, является условным: авторы, не отвечающие критериям «модели» де Вогиюэ (слишком «прогрессивные» или без «религиозного наполнения»), не предлагаются в его книге. Для возрождения общества и поднятия национального духа де Вогиюэ предлагает новую модель, которая должна позаимствовать глубину религиозных чувств русских писателей и их героев, преисполненных христианским состраданием и человеколюбием. Они ближе к евангельскому духу, чем французские писатели, отдалившиеся от христианских истин. Так, противники натурализма, для которых произведения модного в ту эпоху Золя были художественным упадком, могли найти в произведениях русских писателей то, что они потеряли — нравственность и религию.

Книга де Вогиюэ, несмотря на некоторую предвзятость, не теряет своей актуальности и в XXI в., затрагивая болезненные темы и поражая своими пророчествами: «Если даже России суждено пережить те страшные испытания, какие не обходят стороной ни одну нацию, для нее они станут болезнью роста, и она выйдет из испытаний еще более крепкой и живой»²⁶.

Де Вогиюэ, книга которого выдержала 18 изданий до 1927 г., вдохновил своих коллег-соотечественников на изучение русской литературы. Вслед за его трудом стали появляться серьёзные исследования других славистов²⁷. Тиражи книг русских авторов стремительно росли: до 1880 г. из печати выходило от двух до пяти книг в год, а только за один 1888-ой год вышло 25

²⁵ Vogüé, *Le roman russe*, 1912, с. 347.

²⁶ Там же, с. 346.

²⁷ Например, фундаментальный труд Луи Леже: *Léger, Louis. Russes et Slaves. Études politiques et littéraires*. Paris: Hachette, 1890.

книг (до конца XIX в. роман «Война и мир» выдержал 8 изданий, а «Анна Каренина» — 9). В это же время за русскими окончательно закрепляется стереотип, во многом сохранившийся до сих пор. Если одни клише сформировались на исторической почве после войны с Наполеоном (например, образ казака-свечкоeda, «*mangeur de chandelle*», увековеченного Флобером в его знаменитом «Лексиконе прописных истин»²⁸), то другие клише (ассоциирующиеся с контрастным климатом, Севером, с необъятной территорией...) родились из концепта «русская душа», предложенного де Вогиоэ.

Подобное восприятие русской литературы и русских в целом во французском обществе сохраняется и по сей день. А выбор чтения ограничивается всё тем же рядом писателей, дополнившимся Чеховым. Таким образом, роль де Вогиоэ далеко неоднозначна в распространении русской культуры: с одной стороны, благодаря ему Франция открыла русских писателей; с другой стороны, он схематизировал русский менталитет, сведя образы литературных героев и их авторов к «мистикам» и «нигилистам».

Почему же русская литература остаётся закрытой для французского общества?²⁹ Вновь образовавшиеся на горизонте истории XX в. «политические миражи» не могут полностью объяснить сложившуюся ситуацию. «Мода» на Россию то появляется, то исчезает, а новые литературные вливания практически отсутствуют, да и многие авторы XIX в. так и остаются *terra incognita* для Франции.

Подобный феномен «русско-французских отношений» в сфере литературы можно рассмотреть через призму концепции французского социолога Пьера Бурдьё о «литературных

²⁸ Подробнее об этом см. статью Галины Кабаковой «Свечкоед: образ казака во французской культуре XIX века» (НЛО, № 34, 1998, с. 55-77).

²⁹ В самой престижной во Франции книжной серии «Библиотека Плевада» издательства Галлимар вышло всего лишь 26 русских книг со времени её основания по настоящее время. К авторам, предложенным де Вогиоэ, присоединились Лермонтов и Грибоедов (переводы «Героя нашего времени» и «Горе от ума» датируются 1973 годом), Лесков, Салтыков-Щедрин, Булгаков, Горький и Пастернак. Последними вышли произведения Булгакова (2004 г.) и Горького (2005 г.).

полях»³⁰. Согласно его теории, литература — это особое «поле» социальной деятельности, единицей которого является не произведение, а писатель, именуемый «агентом социальной практики». Он борется за своё место в литературном поле путём «манифестаций», то есть посредством самих произведений, а также выступлений, высказываний, статей. Творческий процесс не сводится к процессу создания произведений, он также включает в себя выработку их оценок. При этом репутация автора, его публичное признание ставится выше самого произведения. Творчество писателя и акты институционализации (признание читателей, оценка критиков и официальных инстанций) имеют одинаковую силу для развития литературы. Именно общество выбирает своих писателей: читатели активно участвуют в литературном процессе, формируя «веру в ценность произведения». Так, во Франции читательские предпочтения в классике остаются на стороне Достоевского, а не Пушкина и Лермонтова³¹. Французские читатели, не осознавая этого, остаются и сегодня под влиянием модели де Вогюэ.

Традиционные литературоведы указывают на отсутствие интереса у Бурдьё к содержанию и поэтике самого произведения. Со своей стороны, Бурдьё упрекает их в изолированном подходе в изучении литературных произведений с «очищенными и отшлифованными категориями» и ярлыками художественных направлений типа «романтизма», «реализма». Своей теорией Бурдьё бросает вызов «традиционалистам», стремясь подтолкнуть читателя к разрыву с рутинной ординарной мышления и восприятия.

Де Вогюэ, открывший, по словам самого Бурдьё, русский «мистический» роман³², способствовал процессу «освящения»

³⁰ Бурдьё изложил свою теорию в книге «Правила искусства. Генезис и структура литературного поля» (Bourdieu, Pierre. Les règles de l'art: genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil, 1992).

³¹ Среди книг современных авторов из России сегодня во Франции наибольшим спросом пользуются произведения Бориса Акунина и Людмилы Улицкой.

³² Бурдьё, Пьер. Поле литературы // Он же. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр. Москва: Институт экспериментальной социо-

(«consécration») отдельных русских писателей, творчество которых призвано было оказать благотворное влияние на французское общество той эпохи. Согласно теории Бурдьё очевидно, что успех книги де Вогюэ на французской почве и дальнейшая «канонизация» русской литературы (правда, основанная на выборочном принципе) доказывают зависимость «литературного поля» от «поля социального». Это «литературное поле», предложенное де Вогюэ, — величина постоянная — не претерпело кардинальных изменений и в XXI в., несмотря на смену политических режимов на фоне различных «миражей» и на появление новых литературных агентов с принципиально новыми «манифестациями» (родившихся в недрах как советской и постсоветской, так и эмигрантской литературы).

Творчество современного писателя Андрея Макина с его признанием во Франции и непризнанием в России может рассматриваться как доказательство обоснованности теории Бурдьё. Макин родился в 1957 г. в России, эмигрировал в возрасте 30-ти лет во Францию, где стал писать исключительно по-французски. Один из первых его романов, «Французское завещание» (1995) удостоился самых престижных литературных наград во Франции (Гонкуровская премия, премия Медици и Гонкуровская премия лицейстов) и был переведён на 40 языков. Этот роман был переведён также на русский язык и опубликован в 1996 г. в журнале «Иностранная литература», № 12. На сегодняшний день это единственное произведение Макина, с которым может познакомиться российский читатель. Кто он, Макин? Франко-русский писатель, писатель-транслингв, представитель мультикультуризма, поэт-эмигрант (по выражению Цветаевой), а его творчество — это форма протеста, или он «словесный метис, культурный гибрид [...] смесь петуха и змеи» (по мнению Татьяны Толстой³³)? Однозначного ответа и единого мнения относительно творчества Макина не существуют, под традиционные рамки его «подогнать» очень сложно. Проблема идентификации Ма-

логии; СПб.: Алетейя, 2005, с. 387.

³³ См. статью Толстой «Русский человек на рандеву» (Знамя, № 6, 1998, с. 200-209).

кина-писателя, на наш взгляд, может быть рассмотрена через призму теории Бурдьё.

Спецификой Макина как «литературного агента» является его положение на стыке двух реальностей, двух языков и культур. Родина Макина — это и есть само «литературное пространство». Его язык — это особый код, шифр, обрамлённый во французскую оболочку с «русским» содержанием, своеобразная форма записи внутреннего мира, для которого образ юрты в Эфиопии и избы в России вызывают одинаковые эмоции³⁴. Макину легче выражать свою поэтику на французском языке, являющемся для него языком формул, языком-диктатором с совершенно другой стилистической ментальностью; этот язык дисциплинирует мысль и не прощает повторений и асимметрии. Например, если русский писатель может позволить себе использование подряд нескольких прилагательных, то для французского это неприемлемо. Сам Макин в одном из интервью признаётся, что для него язык несёт в себе не коммуникативный смысл, а креативный, поэтический, поэтому метафора может быть выражена на любом языке, поскольку все языки — это всего лишь диалекты единого поэтического языка. Макин не ассоциирует себя ни с одной страной. С Францией у него только географические и физические связи, а духовно он живёт на своем континенте, являясь просто «писателем» из иного мира, с другим видением времени. Связь с читателями для Макина («Писатель и читатель — неразрывная пара») — это залог его успеха, что подтверждает в своей теории Бурдьё. Именно от читателей зависит признание автора. К сожалению, в данном случае можно говорить только о французских читателях Макина³⁵. Чтобы привлечь читательский интерес во Франции, Макин придум-

³⁴ Данное сравнение дано Макиным в интервью журналу Ring: Entretien avec Andreï Makine, propos recueillis par Murielle Lucie Clément // Ring, 2010, 22 février.

³⁵ Подробнее об автоидентификации Макина можно прочитать в различных интервью. В России было опубликовано два официальных интервью с Макиным: Русский «Гонкур» // Огонёк, № 21, 2008, с. 46-48; Писатель Андрей Макин: «Французы воплотили в жизнь советскую модель» // Известия, 2013, 17 апреля.

мывает себе авторскую биографию. Как «литературный агент», претендующий на автономизацию своего «поля», он вынужден прибегнуть к фальсификации для приобретения символического капитала (Бурдьё утверждает, что такая операция — «придумывание биографии» — типична для современной культуры, приводя в пример историю сакрализации Таможенника Руссо). Свои первые два романа («Дочь Героя Советского Союза» и «Исповедь разжалованного знаменосца») Макин выдаёт за переводы с русского, с фиктивными фамилиями переводчиков (Françoise Boug для первого романа и Albert Lemonnier для второго), в чём он признается в своём следующем романе, принёсшем ему настоящее признание, — во «Французском завещании», уже подписанным его настоящим именем. С коммерческой точки зрения издателям было выгоднее выпустить книгу русского писателя в виде перевода, чем книгу русского автора, пишущего по-французски. Законы рынка диктуют издательствам свои условия в выборе книг, что и подчёркивает в своей теории Бурдьё.

Для построения своего «русского имиджа» Макин прибегает и к другим способам мистификации. Первоначальное указание его места рождения (Новгород) после знаменитого «Французского завещания» сменяется на Красноярск. А Сибирь — это составляющая мифа о русской душе, что больше соответствует ожиданиям французов, наслышанных про далёкую Россию с её суровым климатом. Создав себе автономное «литературное поле», в котором России отводится одно из центральных мест, Макин параллельно создаёт второе «литературное поле» под псевдонимом «Габриэль Осмонд», где, несмотря на отсутствие «русских элементов», «русская тема» угадывается через философские рассуждения, лирические отступления, вопросы о смысле жизни, о любви и о бытии. Пер-

Во Франции интервью публикуются регулярно в многотиражных журналах и на сайтах академических изданий. Вот лишь некоторые из них: *La Littérature, science du salut // Nouvel Observateur*, 2011, 1 février; *Rencontre avec Andreï Makine à l'occasion de la parution du «Testament français»*: <http://www.gallimard.fr/catalog/entretiens/01033876.htm>; *Salon littéraire*: <http://salon-litteraire.com/fr/andre--makine/content/1811928-andrei-makine-biographie>.

вый роман, «Путешествие женщины, которая больше не боялась стареть», подписанный псевдонимом «Осмонд», вышел в 2001 г. Произведения этого «поля» также пользуются успехом как у читателей, так и у критиков, не подозревающих о фальсификации авторства³⁶. Под псевдонимом «Осмонд» Макин написал четыре романа³⁷, одновременно продолжая печатать романы «русского поля» и подписываясь Макиным.

По отношению к сегодняшнему российскому «литературному» полю Макин — маргинал, который не смог войти ни в «поле массового производства», ни в «элитарное поле» в России. Такое пограничное состояние определяет и дискурс многих его романов («Дочь Героя Советского Союза», «Французское завещание», «Жизнь неизвестного человека»), в которых писатель выходит за пределы обоих пространств, создавая свой «собственный» язык, «иностранный язык», подобный языку Пруста, выходящий за «пределы бытия».

По мнению западных исследователей³⁸, Макина не следует считать исключительно французским писателем. В его творчестве присутствует тема интеркоммуникации двух культур — русской и французской. Его романы, хоть и написаны по-французски, основаны также на русских литературных традициях, чем, возможно, и объясняется его успех у французских

³⁶ Лишь спустя десять лет в интервью газете «Фигаро» Макин признался, кто скрывался за Осмондом. В этом интервью он также порождает очередную мистификацию, заявляя, что Макин — это его не настоящая фамилия, тем самым приводя своих читателей ещё в большее замешательство. См. статью «Osmonde sort de l'ombre» (Le Figaro, 2011, 30 mars).

³⁷ Последний роман, «Alternaissance», подписанный псевдонимом «Осмонд», вышел в 2011 г.

³⁸ См. подробнее о творчестве Макина: Gourg, Marianne. La problématique Russie/Occident dans l'oeuvre d'Andreï Makine // *Revue des Études slaves*, № 70, 1998, с. 229-239; Рубинс, Мария. Русско-французская проза Андрея Макина // *НЛО*, № 66, 2004, с. 208-229; Mélat, Hélène. Testament français ou testament russe? // *La Revue russe*, № 21, 2002, с. 41-49; Clément, Murielle Lucie. Andreï Makine: L'Ekphrasis dans son œuvre. Amsterdam-New York: Editions Rodopi, 2011. В России подробный анализ творчества Макина принадлежит Ксении Балеевских: Балеевских, Ксения. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва: А. Макина: дис. ... канд. филол. наук, Ярославль, 2002.

читателей, для которых Макин, сохранивший свой культурный фон, является составляющей русского «литературного поля» во Франции, согласно модели де Вогюэ, которой французы остаются верны до сих пор.